шевая библіотека для семьи и школы.

К. Д. Носиловъ.

Исторія одной полярной зимовки.

РАЗСКАЗЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Цѣна 15 коп.

Москва.—1913.

Дешевая библіотека для семьи и школы.

К. Д. Носиловъ.

Исторія одной полярной зимовки.

РАЗСКАЗЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе редакціи журнала «ЮНАЯ РОССІЯ».
Москва, Большая Молчановка, д. № 18.

МОСКВА.
Типографія К. Л. Меньшова, Арбатъ, Никольскій пер., д. 21.
1913.

Исторія одной полярной зимовки.

Разсказъ.

I.

Ихъ пріѣзжало трое на Новую Землю,—эту обѣтованную Новую Землю всѣхъ поморовъ, жителей Бѣлаго моря, которые, какъ говорится, спятъ и видятъ, какъ бы попасть на этотъ далекій, полярный островъ, заняться тамъ баснословными по богатству рыбными и звѣриными промыслами и сразу разбогатѣть.

И всѣ трое они были поморы, настоящіе поморы, жители тѣхъ маленькихъ деревушекъ, посадовъ и селъ, которые искони вѣковъ только занимаются рыбными и звѣриными промыслами и живутъ по берегу этого сѣвернаго, холоднаго Бѣлаго моря.

Земля въ ихъ мѣстности только родитъ одинъ жалкій ячмень, котораго далеко не достаетъ человѣку для пропитанія; заводовъ и фабрикъ тамъ нѣтъ, чтобы заработать въ этой глуши копейку; кругомъ ихъ—одно море и лѣсъ. Такъ какъ лѣсъ гораздо бѣднѣе открытаго, громаднаго моря, то человѣкъ тамъ и привыкъ жить только однимъ моремъ. То онъ запираетъ устья рѣкъ, впадающихъ въ Бѣлое море, чтобы тамъ словить дорогую и вкусную семгу; то онъ отправляется на своемъ легкомъ смоленомъ карбазѣ и опускаетъ въ море сѣти, чтобы ловить треску и сельдей, которыми исключительно почти питается; то онъ, когда на морѣ появляются осенью громадныя пловучія льдины, тащитъ туда же свой карбазъ, чтобы бить на льду довѣрчиваго и глупаго тюленя.

Когда человѣкъ живетъ только одними морскими промыслами, онъ вѣчно надѣется на счастье: вотъ-вотъ онъ наловитъ массу бродячей трески, которая иногда подходитъ къ его берегамъ, дѣйствительно, въ громадномъ количествѣ, вотъ-вотъ онъ зимой наткнется на стаю вкусной и цѣнной наваги, которая тоже сюда заходитъ въ несмѣтномъ порою количествѣ, или вотъ-вотъ онъ набьетъ на льдахъ массу тюленей. И случается, что счастье улыбнется ему,—онъ добудетъ, дѣйствительно, богатый промыселъ; но, однако, онъ никакъ не можетъ разжиться. Купецъ сбиваетъ цѣну на добычу или отберетъ ее за вѣчные его долги; нужда туда же протянетъ свою руку, потомъ появятся товарищи,—вино и разгулъ, и отнимутъ и послѣднее у него, что дало мимолетное, капризное счастье.

И сколько онъ ни бейся на этихъ рыбныхъ промыслахъ родины, сколько онъ ни рискуй своей жизнію, отправляясь въ это холодное измѣнчивое море, сколько онъ ни мерзни на льдахъ зимою на тюленьихъ промыслахъ, онъ никакъ не можетъ разжиться.

Вѣчная нужда и недоѣданіе; вѣчная забота о пищѣ, и вѣчные долги, и зависимость отъ богатаго человѣка...

Какъ тутъ не будешь мечтать о какомъ-нибудь счастьѣ? А тутъ еще легенды о томъ, какъ кто-то вдругъ сдѣлался богатымъ, найдя золото и драгоцѣнные камни на Новой Землѣ или добывши тамъ баснословно богатый промыселъ.

Новая Земля, кто только не рвался къ тебѣ въ своей юности съ пылкой, отважной душой, мечтая сдѣлаться героемъ!

Новая Земля, кто только изъ поморъ, забитыхъ вѣчной нуждой и безвыходнымъ порою положеніемъ, не думалъ о тебѣ, чтобы попытать свое счастье!

Но не всякій можетъ туда попасть, и не у всякаго найдется для этого достаточно отваги. Нужно для этого дожидаться случая и, кажется, только благодаря вотъ именно только такому случаю, на этотъ полярный островъ и попали эти трое поморъ.

* * *

Ихъ уговорилъ поѣхать туда для зимовки и промысловъ одинъ богатый рыбопромышленникъ г. Архангельска, обѣщая снабдить ихъ провизіей и ружьями, дать имъ сѣти и лодки и снабдить ихъ всѣмъ, включительно даже до проводниковъ, чтобы только они согласились на эту полярную зимовку.

Какъ было не согласиться на такія заманчивыя предложенія, когда, съ одной стороны, давитъ нужда и гонитъ безвыходное положеніе, а съ другой,—рисуются надежды на счастье, тѣмъ болѣе, что рыбопромышленникъ обѣщаетъ имъ половину всего промысла, половину своего счастья.

И они согласились на его предложенія и поѣхали туда, надѣясь на счастье.

И вотъ эти герои въ Мелкой губѣ, на Новой Землѣ, въ виду предстоящей суровой зимовки.

Кругомъ—безжизненныя холодныя темныя горы, кругомъ—одинъ камень и снѣгъ даже въ лѣтнее время, когда они пріѣхали; кругомъ—одно безмолвіе страшное, и впереди одно одиночество ровно на цѣлый годъ, когда снова за ними придетъ это судно.

И вмѣсто теплой родной хижины, вмѣсто хотя бѣдной, но оживленной деревни - одна зимовка, доставшаяся имъ отъ когда-то погибшей здѣсь русской экспедиціи, о гибели начальника которой безъ словъ говоритъ здѣсь могильный крестъ и камень.

Несчастный обуглившійся отъ времени срубъ, безъ потолка и пола; но они надѣются собственными силами поправить все это, чтобы тутъ устроиться на зиму, и это—первая ихъ насущная забота.

Хижина откопана отъ снѣга и очищена, стѣны поправлены, вставлены окна, сдѣлана крыша, чтобы защититься хотя немного отъ холода, сложены печи, чтобы не замерзнуть отъ мороза.

Что за бѣда, что немного въ ней холодно,—можно согрѣться въ теплой одеждѣ у печи,—что за бѣда, что стѣны ея будутъ пронизаны холодомъ,—можно обить ихъ звѣриными шкурами; что за бѣда, если снова занесетъ ее зимою сугробами,—можно выбраться изъ нея зимой, хотя черезъ трубу, если невозможно будетъ пробраться черезъ дверь. И это слава Богу—неожиданное убѣжище для человѣка, который ѣхалъ сюда не за роскошью обстановки, а за счастьемъ, готовый рѣшительно на все, чтобы попытать его и стать богатымъ человѣкомъ.

Кромѣ надежды на счастье, на свои силы и отвагу, есть надежда у промышленниковъ и на проводника-самоѣда.

* * *

Рыбопромышленникъ далъ имъ одного самоѣда съ небольшою семейкою. Это много краситъ ихъ зимовку. Все же какъ ни какъ семейное общество; все же дѣти, которыя оживляютъ вся-

Дѣти-самоѣды.

кій домъ и богатый, и бѣдный. Но особенно важенъ для этой полярной зимовки и для промысла этотъ промышленникъ-самоѣдъ, это дитя глубокаго сѣвера, этотъ знатокъ его жизни и промысловъ,

этотъ дикарь, передъ которымъ ровно ничего нѣтъ неожиданнаго и страшнаго, кромѣ смерти.

Извѣстно, что для этого дикаря ровно ничего не существуетъ страшнаго даже и на этомъ полярномъ островѣ: это его родная пустыня, это просторъ его снѣжныхъ пустынь и бурнаго моря, гдѣ онъ никогда не остановится ни передъ какою опасностью, и гдѣ онъ въ крайнемъ случаѣ спасетъ довѣреннаго ему человѣка. Незамѣнимый спутникъ всякаго полярнаго путешественника, безстрашный человѣкъ при всякой опасности, равнодушный даже къ самому бѣдственному положенію, спокойный даже передъ лицомъ самой смерти...

Итакъ, ихъ тутъ четверо мужчинъ, одна женщина и двое дѣтей, и это все наличное населеніе этой колоніи на этомъ полярномъ островѣ подъ 75-мъ градусомъ сѣверной широты. Гдѣ то къ сѣверу, говорятъ, живутъ еще отважные норвежцы, промышляя такъ же, какъ они на этомъ островѣ тюленей. Гдѣ-то далеко къ югу, за сотню верстъ разстоянія—первая колонія самоѣдовъ на Маточкиномъ шарѣ, и это все, что окружаетъ ихъ, всѣ ихъ сосѣди.

Но добраться до нихъ нѣтъ почти возможности и только можно утѣшаться развѣ тѣмъ, что они не одни на этомъ островѣ, подъ этимъ полярнымъ небомъ.

Можно вообразить, какъ тяжело было имъ прощаться съ родными матросами, и какъ грустно было видѣть уходящее, скрывающееся въ морѣ судно.

* * *

Но горевать некогда на Новой Землѣ, кругомъ новизна и работа, и они смѣло занялись своими неотложными работами.

Нужно было первымъ долгомъ обезпечить свое существова-

ніе на долгую и холодную зиму: запасти достаточно топлива, которое валялось по берегу моря въ видѣ жалкаго, ободраннаго льдами и соленаго отъ воды выброшеннаго моремъ дерева; нужно наловить рыбы, чтобы запасти ея достаточное количество на долгую зимовку, нужно было позаботиться о теплой одеждѣ и настрѣлять для этого достаточно дикихъ оленей, чтобы покрыться отъ холода ихъ шкурами; нужно было понабить и тюленей, чтобы добыть себѣ освѣщеніе изъ ихъ жира.

Сурова и холодна полярная ночь; сурова и холодна тамъ долгая осень, холодна и сурова тамъ и весна, не знающая даже въ маѣ мѣсяцѣ тепла и зелени. Десять мѣсяцевъ въ году тамъ человѣкъ носитъ шубу, а наши герои пріѣхали туда уже въ концѣ сентября мѣсяца, когда на этомъ островѣ уже холодно, и грозитъ зима, и уже не надолго показывается на горизонтѣ солнце.

Но море было еще открыто и шумѣло своими громадными волнами, заливъ открытъ, и на немъ нѣтъ-нѣтъ да покажется голова любопытнаго тюленя; рѣчки не замерзли, и въ нихъ гуляетъ вкусный голецъ, который заходитъ туда порою въ несмѣтномъ количествѣ, а въ тундрѣ бродитъ дикій олень, а ночами воетъ полярная бѣлая лисичка, услышавъ человѣка. Горы безжизненны, но въ долинахъ жизнь. Море громадно, но въ немъ водятся разные звѣри. Рѣчки малы, но въ нихъ много рыбы для человѣка, который захотѣлъ тутъ устроиться.

Все это очень утѣшало героевъ нашихъ на этомъ островѣ послѣ отхода судна, и они тотчасъ же занялись своими промыслами, для которыхъ пріѣхали сюда зимовать.

Первымъ долгомъ они отправились къ рѣчкѣ, чтобы поставить тамъ сѣти. Въ прозрачной водѣ видно было, какъ ходилъ довольно крупный голецъ,—родъ семги,—и это ихъ страшно об-

радовало, но уловъ на слѣдующій же день оказался не ахти какимъ счастливымъ; попало ровно только на варево, хотя и прекрасной вкусной рыбы.

Оказалось, что осень съ чистой горной водой мѣстныхъ рѣчекъ, питающихся ледниками въ горахъ, неособенно благопріятна для рыбной ловли, не то, что лѣтнее время, когда въ эти рѣчки набивается такъ много рыбы, что ею можно нагружать порою цѣлыя лодки.

Рыба была, но обходила хитро поставленную сѣть, и въ нее, вмѣсто рыбы, попадали чаще маленькіе тюленьки, которые еще не знали хитрости человѣка.

Эти тюленьки, всего въ три четверти длины, толстенькіе и пестренькіе, были интересны только для ребятишекъ самоѣда.

Рѣшено было попробовать пока открытое море и потомъ сходить въ горы и поохотиться тамъ на дикихъ оленей. Раннимъ утромъ слышно было, какъ они бродили по отлогамъ горъ. Но и олени оказались довольно хитрые, вѣроятно, уже знакомые съ ружьями самоѣдовъ. При этомъ нужна была особенная сноровка, какъ къ нимъ подойти на разстояніе выстрѣла, такъ какъ мѣстность была открытая и на островѣ была такая мертвая тишина, что слышенъ былъ далеко малѣйшій шорохъ.

Кромѣ того, для незнакомаго съ мѣстными условіями охотника часто являлась какая-нибудь неожиданная помѣха: то выскочитъ изъ-подъ камня полярная лисичка и бросится утекать какъ разъ на виду пасущихся оленей, а они уже, смотришь, насторожили свои чуткія уши и готовы пуститься въ бѣгство; то взлетитъ съ сторожевымъ крикомъ полярная бѣлая сова, до того времени неподвижно сидѣвшая на камнѣ, то сорвется и полетитъ камень подъ ногою неопытнаго и неосторожнаго охотника, и звѣри

бѣгутъ, даже не оглядываясь, заслышавъ человѣка, въ далекія горы.

А тутъ еще никакъ нельзя опредѣлить разстоянія для выстрѣла; кажется, близко уже олени, кажется, вотъ-вотъ они въ предѣлахъ выстрѣла, начинается пальба, но пули не долетаютъ. И въ результатѣ вмѣсто ожидаемаго легкаго и добычливаго промысла, вмѣсто ожидаемой теплой шкуры для постели и одежды, какой нибудь одинъ подраненный олень и тотъ благополучно ушедшій куда-то далеко и высоко въ безмолвныя пустынныя горы.

Счастливый самоѣдъ—опытный охотникъ: онъ нѣтъ-нѣтъ и добудетъ жирнаго оленя и до-отвала напьется крови и поѣстъ всѣ вкусныя части его, оставивъ своимъ товарищамъ только одно мясо и кости.

Болѣе, казалось, нужно было надѣяться на полярныхъ маленькихъ лисичекъ, которыя безпрестанно выскакивали изъ-подъ камней горныхъ розсыпей и даже лаяли на нашихъ охотниковъ, нисколько, повидимому, не боясь человѣка. Каждый песецъ стоитъ 15—20 рублей, есть за чѣмъ поохотиться; но и тѣ оказались настолько хитрыми, что тотчасъ же прятались въ свои каменныя норы, прежде чѣмъ человѣкъ подкрадется къ нимъ и уложитъ ихъ пулей.

Они словно поддразнивали неудачнаго промышленника, то завлекая его къ своимъ каменнымъ розсыпямъ, то прячась въ нихъ, то снова появляясь силуэтами на нихъ, когда промышленникъ уже отходилъ отъ розсыпи, безнадежно махнувъ на нихъ рукою. Показывались и выли гнусливымъ голосомъ, какъ лаютъ лисички, какъ бы досадуя, что человѣкъ безпокоитъ ихъ.

Рѣшено было ставить на нихъ капканы, и промышленники

всюду наставили ихъ, упустивши изъ виду то обстоятельство, что ихъ занесетъ первымъ снѣгомъ такъ, что ихъ и не отыщешь.

Не обрадовало нашихъ промышленниковъ сначала и самое море, когда они выѣхали на него на маленькой своей шлюпочкѣ, чтобы пострѣлять тамъ тюленей.

На морѣ осенью, даже у самыхъ береговъ, вѣчное волненіе, а порою сильный громадный прибой и взводень; любознательный тюлень не настолько отваженъ, чтобы близко приблизиться къ лодочкѣ, не видавши тутъ совсѣмъ почти человѣка, выставить голову,—голова изъ воды, какъ кулакъ, и та норовитъ скрыться при первомъ движеніи охотника, чтобы исчезнуть въ этомъ глубокомъ морѣ. При этомъ страшно качаетъ лодочку, такъ что трудно попасть изъ ружья въ какую-то точку, а если и удастся подстрѣлить тюленя какого, то прежде чѣмъ промышленники подъѣдутъ его взять съ воды, какъ онъ уже пошелъ ко дну, не будучи еще очень жирнымъ.

А кромѣ тюленя никого и нѣтъ больше въ этомъ морѣ, волнующемся у берега: заливъ пустъ, поверхность его почти безжизненна, потому что птица пролетная, и та уже улетѣла на теплый югъ, оставивъ только на островѣ свои слѣды и гнѣздовища.

* * *

Но какъ-ни-какъ все было развлеченіе и хотя маленькій промыселъ, и наши промышленники не сидѣли, сложа руки, а, видя неудачи, терпѣливо сносили ихъ, видя, что жить можно на этой Новой Землѣ, и что все же не будутъ они безъ промысла, когда хорошенько познакомятся здѣсь съ условіями охоты и жизни.

Одинъ изъ нихъ грамотный завелъ свой дневникъ, для за-

писей промысла, который и началъ 1-го октября слѣдующей записью:

„Сія книга крестьянина Архангельской губерніи, Шенкурскаго уѣзда, Кургоминской волости, села Яковлевскаго, Николая Яковлевича Кулебякина, нанявшагося на промыслы на Новой Землѣ, отъ конторы Масленникова, Дмитрія Николаевича, промышлять гольца и звѣря. Изъ сего промысла—половина хозяину, другая на промышленниковъ. Состоитъ изъ 4 человѣкъ“.

Подъ датой 1-го октября было написано: „Пасмурно. Тихо. Ѣздили по снастямъ и ходили по капканамъ“.

Должно быть, что ни въ снастяхъ не было достаточно промысла, ни въ капканахъ, потому что не означено, сколько они достали.

Съ первыхъ чиселъ октября уже измѣняетъ погода: становится холодно, падаетъ снѣгъ, море страшно бушуетъ, поднимая цѣлые столбы брызгъ у берега, а съ горъ нѣтъ-нѣтъ набѣгаютъ на берегъ зимовки страшные вихри.

Но это еще ничего: вихри стихаютъ, море успокаивается, но короче и короче становится день. Въ началѣ октября еще 5—6 часовъ дневного свѣта; но съ каждымъ днемъ день сокращается на 16 минутъ, а въ четыре дня на цѣлый часъ, и становится и жутко, и грустно. Грустно, что быстро сокращается свѣтъ; жутко—при видѣ, какъ съ сѣвера надвигается словно завѣса полярной ночи. Она уже стоитъ цѣлый день на сѣверномъ небосклонѣ, появившись тамъ всего только на нѣсколько дней, и словно приближается, надвигается на бѣдную зимовочку, оторванную отъ свѣта. И не успѣлъ начаться день, какъ снова нависаютъ сумерки, какъ бы силой заставляя все дремать въ природѣ. Какъ-то незамѣтно островъ покидаютъ морскія и пѣвчія птички; пингвиновъ

все менѣе и менѣе; сѣрыя нарядныя гаги только слышны далеко въ морѣ, онѣ покинули уже надолго замерзшія теперь озера и островки. Какъ-то послѣ пасмурнаго дня не стало и веселой пуночки, которая еще недавно прилетала на покачнувшійся крестъ, чтобы пропѣть для нашихъ промышленниковъ свою, быть можетъ, послѣднюю пѣсню. На островѣ остались одни чистики, и то какимъ-то чудомъ превратившіеся при первыхъ же холодахъ изъ черныхъ по оперенію въ бѣлыхъ. Но и они жалобно такъ попискиваютъ, завидѣвъ человѣка у берега, словно жалуясь ему, что миновало короткое, теплое, счастливое лѣто.

Однако, было еще свѣтло, солнышко въ ясный день еще нѣтъ-нѣтъ да показывалось на горизонтѣ моря, хотя—бѣлое и нерадостное, но все же можно было ходить по острову, охотиться и можно было ѣздить въ горы на собакахъ.

Но, наконецъ, подошелъ и тотъ день, когда полярный человѣкъ провожаетъ солнце. Печальный день, какой только можетъ знать человѣкъ на глубокомъ сѣверѣ, когда онъ въ полдень выходитъ проводить это ясное, теплое, милое солнышко, какъ родного, близкаго, любимаго человѣка. Проводить, чтобы встрѣтить его только черезъ три мѣсяца, только черезъ три мѣсяца увидать его блескъ, ощутить его живительное тепло, узнать его ласку для тѣла.

Солнышко, солнышко, какъ дорого ты тогда, какъ сжимается сердце при видѣ послѣдняго твоего луча, съ которымъ давно человѣкъ теряетъ надежду... Блеснетъ послѣдній лучъ, останется заря, а сзади уже темная завѣса полярной страшной ночи съ буранами и вьюгами, со снѣгомъ и морозомъ, со всѣми тѣми ужасами зимы, которую знаетъ только сѣверъ. И нѣтъ уже возможности увидѣть это солнышко, оно только во снѣ снится бѣдному, оторванному отъ свѣта человѣку.

II.

Съ ноября, какъ пишетъ промышленникъ Кулебякинъ въ своемъ дневникѣ, они не стали узнавать Новую Землю.

Начались вихри съ горъ, которые несли съ собою порою не только одинъ снѣгъ, но даже мелкіе камни, которыми, какъ картечью, обсыпало ихъ жалкую хижину, угрожая выбить послѣднее ихъ окно. Затѣмъ наступили сильные морозы: бревна ихъ хижины только потрескивали отъ холода, земля тоже трескалась кругомъ, непокрытая еще окончательно, благодаря вѣтрамъ, снѣгомъ. Заливъ, Мелкая губа, гдѣ они поселились, то покрывалась льдомъ, то снова вскрывалась, потому что ледъ постоянно тревожили приливы и отливы моря, особенно высокіе въ равноденствіе. Еще не образовался тотъ толстый ледяной и снѣжный покровъ, по которому бы можно было двигаться и охотиться. Казалось, зима боролась съ тепломъ, и не было дня тихой погоды, чтобы поохотиться.

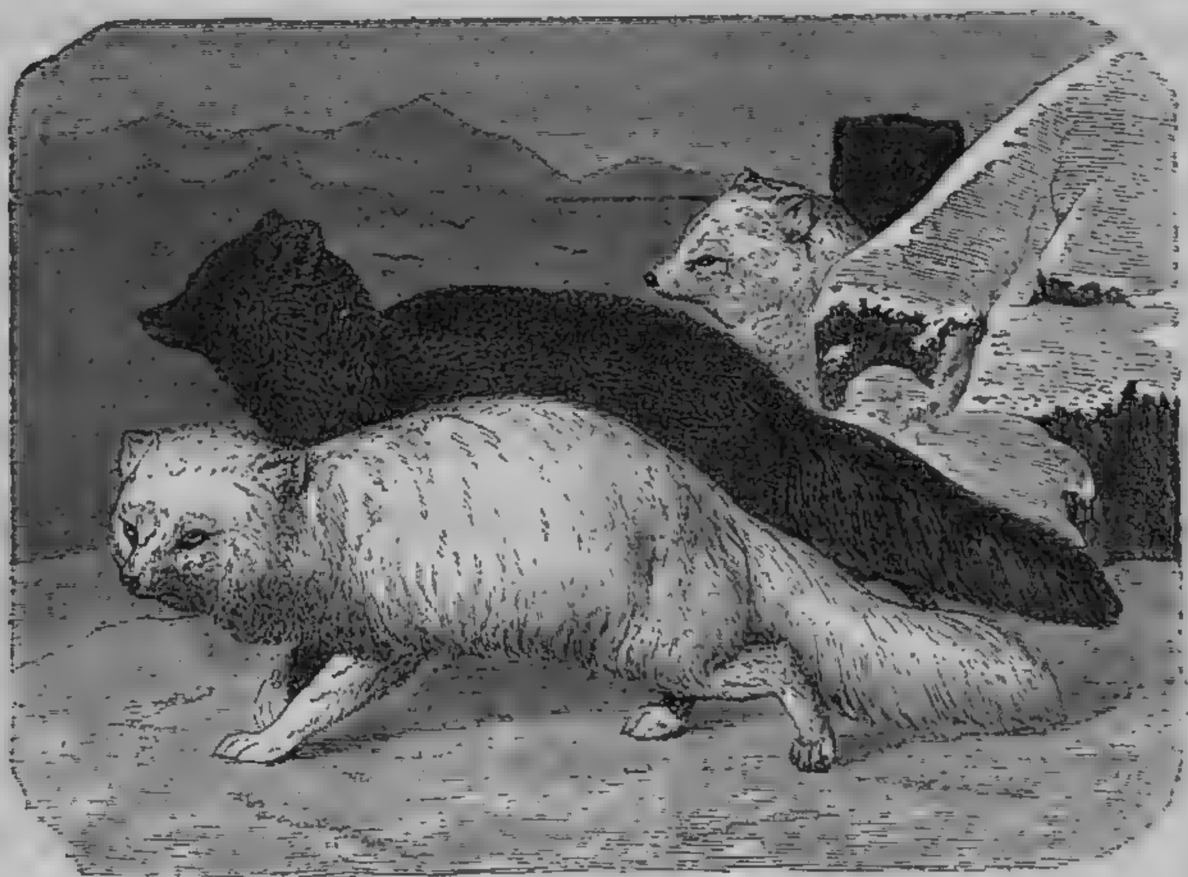
Но больше всего ихъ смущало быстрое сокращеніе теперь уже не дня, котораго давно ужъ не было, а сумерекъ.

Свѣтъ появлялся едва-едва на какой-нибудь часъ времени; когда бывало пасмурно и съ моря надвигался холодный туманъ, облекающій все ледянымъ покровомъ, не было и этого свѣта полярныхъ сумерекъ, и зимовка ихъ скоро окончательно погрузилась въ полярный мракъ, какой окутываетъ этотъ островъ почти ровно три мѣсяца.

„15-го ноября, пишетъ Кулебякинъ, дня совсѣмъ не стало“, началась полярная долгая страшная ночь, и вѣтры завыли еще сильнѣе, срываясь вихрями съ горъ, и стало окончательно скучно и жутко.

Но промышленники не унываютъ: они хоть не надолго, но выходятъ еще изъ хижины, то отправляясь недалеко на берегъ, чтобы осмотрѣть капканы, поставленные на лисицъ, то на ледъ моря, теперь уже замерзающаго, чтобы хотя немного поохотиться гдѣ-нибудь въ полыньи залива или моря.

Теперь эта охота бываетъ только развѣ-развѣ на какой-либо часъ времени среди бурь и темноты; вмѣсто свѣта дня сіяютъ

Полярныя лисицы.

сѣверныя сіянія, или цѣлый день кружится надъ горизонтомъ мѣсяцъ. Хотя этотъ свѣтъ и самый слабый, но все же можно разглядѣть тюленя въ нѣсколькихъ саженяхъ разстоянія; но вѣрный прицѣлъ въ него уже невозможенъ. Тюлень, какъ привидѣніе какое, показывается на секунду у самыхъ ногъ охотника, потомъ фыркаетъ, услышавъ запахъ человѣка, и вслѣдъ затѣмъ раздается всплескъ воды, и охотникъ вздрагиваетъ и не вѣритъ себѣ, и ему кажется, что видѣлъ онъ не тюленя, а чорта. Упаси Боже замѣш-

каться теперь на краю льдовъ этого моря,—оно безпрестанно колышется, отламывая льды цѣлыми громадными полями, такъ что человѣкъ и не замѣтитъ, какъ онъ уже оторванъ отъ материка и унесенъ въ открытое море.

Но все же и этотъ часъ охоты—развлеченіе для промышленниковъ, послѣ котораго они въ восторгѣ отъ своей бѣдной, занесенной снѣгомъ хижины, увидавъ ея огонекъ въ этой пустынѣ.

Эта хижина—ихъ отрада: въ ней тепло и весело, и среди нашихъ зимовщиковъ слышатся теперь постоянно разговоры и шутки. А когда весело горитъ каминъ, когда около него всѣ въ сборѣ, послѣ промысла и послѣ небольшого отсутствія, то разсказамъ нѣтъ конца. Разсказываются приключенія дня, передаются событія родины, разсказываются сказки. Сказки, словно чудомъ какимъ отрывающія промышленниковъ отъ этого суроваго острова и уносящія ихъ въ родныя семьи, туда, гдѣ, быть можетъ, теперь вспоминаютъ ихъ; туда, гдѣ, быть можетъ, теперь молятся о нихъ, чтобы они воротились отсюда благополучно.

* * *

Но и полярной ночью бываютъ развлеченія.

30 го ноября, какъ видно изъ дневника Кулебякина, къ нимъ сдѣлалъ визитъ бѣлый медвѣдь. Онъ подошелъ незамѣтно къ самой хижинѣ, онъ не слышно для нихъ стащилъ у нихъ ободраннаго и брошеннаго у самыхъ дверей тюленя и началъ, было, уже закусывать, когда его услышали, чавкающаго, чуть не у самой стѣны ихъ, собаки. Поднялся страшный лай друзей человѣчества; промышленники бросились за ружьями, патронами; но было поздно: медвѣдь убѣжалъ и скрылся въ темнотѣ полярной ночи.

Этотъ случай, было, всколыхнулъ ихъ колонію, явилась надежда поохотиться на такого рѣдкаго звѣря,—дорогая шкура бѣлаго медвѣдя была бы кстати для пополненія ихъ промысла, который пока заключался только, главнымъ образомъ, въ шкурахъ песца и въ жирѣ и шкурахъ тюленя; но медвѣди на этомъ островѣ рѣдкость, потому что появляются на немъ или въ бурю, когда прижимаетъ къ берегу льды, или тогда, когда эти звѣри двигаются съ сѣвера въ сторону полудня, гдѣ можно имъ надѣяться на добычу при свѣтѣ зари.

Чаще посѣщали ихъ зимовку полярныя лисички: онѣ частенько забѣгали къ нимъ отъ берега, по которому розыскиваютъ, не выброситъ ли имъ чего-нибудь море, при этомъ часто ихъ соблазняетъ воспользоваться какою-нибудь равушкою *), запахъ которой разносится вѣтромъ. Только рѣдко имъ удается что-либо стащить въ колоніи: чуткіе псы сторожатъ избушку, и стоитъ только неслышно подкрасться къ хижинѣ, попасть на видъ одному псу, какъ всѣ они уже въ погонѣ за бѣдной лисичкой. Устраивается отчаянная травля; лисичка кружится около избы, летая отъ собакъ самымъ стремительнымъ образомъ, тѣ носятся по слѣду ея, готовыя схватить ее за пышный хвостъ и разорвать; но одинъ-два ловкихъ маневра хитраго звѣрка, и онъ теряется въ сугробахъ и летитъ уже прочь отъ этой негостепріимной зимовки—въ горы.

Но зато всполошены охотники, всѣ хватаются за ружья въ ожиданіи болѣе крупнаго звѣря; но только что высунулись они на улицу, какъ уже убѣдились по далекому гону, что ихъ потревожилъ не бѣлый медвѣдь а хитрая лисичка.

---

*) Ободранная тушка морского звѣря.

*
* *

И развлеченіе охотой, и веселые разговоры выводятъ промышленниковъ изъ того состоянія, которое словно сторожитъ теперь человѣка.

Страшное это состояніе душевное въ полярную ночь, когда человѣку кажется безцѣльною жизнь, когда ему кажется, что никогда уже не проглянетъ для него яркое солнце, когда ему кажется, что для него все уже кончено на землѣ.

Промышленники всѣми силами гонятъ это состояніе, чувствуя его, какъ оно порою ими овладѣваетъ, и стараются дружнѣе жить, развлекаться чѣмъ-либо, стараются какъ можно веселѣе проводить свбе свободное время.

Сколько этого свободнаго теперь у нихъ времени, и какъ оно тянется неимовѣрно тихо!

Въ полярную ночь, особенно когда нѣтъ возможности даже прогуляться возлѣ хижины, страшно тяжело и скучно: стараешься спать, но сонъ летитъ отъ тебя, спускаясь къ тебѣ только на короткое время; вмѣсто сна какая-то дремота, вмѣсто сновидѣній— только какіе-то обрывки сна. Проснувшись, долго лежишь въ постели, не желая выбираться изъ тепла, которое создало не отопленіе, а тепло собственнаго твоего тѣла; потомъ долго сидишь въ раздумьи у костра, чтобы погрѣться, и только потомъ уже встаешь окончательно, когда требуетъ этого твой голодный желудокъ. Чаепитіе—это дневной праздникъ; горячая вода—это наслажденіе; чаю выпивается несмѣтное число чашекъ, подъ вліяніемъ его человѣкъ словно просыпается, и у него тогда является потребность двигаться и шевелиться. Но нельзя выйти на дворъ въ такой холодъ. Ждешь обѣда. Послѣ обѣда снова растягиваешься

на мягкой оленьей постели, потомъ снова чай, вечеръ въ разговорахъ, дорогія сердцу воспоминанія, и снова постель, хотя и надоѣвшая, но все-таки милая человѣку.

Но какъ только выпадетъ тихая погода, хотя темно на дворѣ, стоятъ сумерки, хотя не видно даже мушки ружья, хотя вмѣсто дня только чуть-чуть слабый разсвѣтъ зари на южномъ небосклонѣ,—но наши промышленники радуются возможности провѣтриться, на часъ времени выйти на охоту.

Кто шелъ провѣдывать свои капканы, не попала ли въ нихъ бѣлая полярная лисичка; кто тащился съ товарищемъ въ сторону моря по льдамъ съ легкой промысловой лодочкой, чтобы попытать счастья убить тюленя; кто просто шелъ по берегу съ винтовкою на случай, не встрѣтитъ ли какого звѣря. И хотя всѣ эти попытки были въ полярную ночь по большей части неудачными, но все же человѣкъ прошелся по острову, разсѣялся и спѣшитъ уже къ избушкѣ своей, радуясь теплу и людямъ.

А какое счастье, если промышленникъ воротится съ замерзшимъ уже бѣлымъ песцомъ и броситъ его оттаивать въ уголъ избы, въ надеждѣ заняться имъ послѣ подъ вечеръ, чтобы освѣжевать его цѣнную шкурку. Сколько радости у промышленника, если ему удастся, несмотря на полярную ночь, убить подвернувшагося тюленя и привезти его къ хижинѣ, на радость дѣтей и собакъ, которымъ достанется тушка.

Какое послѣ этого оживленіе въ бѣдной хижинѣ промышленниковъ, когда начнутся неторопливые разсказы про этотъ удачливый день, въ который было столько впечатлѣній, и сколько надеждъ, самыхъ радостныхъ и несбыточныхъ надеждъ на то время, когда наступитъ тепло и свѣтъ.

Главное—свѣта, хотя бы маленькой зари на южномъ небо-

склонѣ; при зарѣ можно бы пробраться къ открытой водѣ, къ небольшимъ сохранившимся полыньямъ, гдѣ теперь водится столько довѣрчиваго и смирнаго морского звѣря.

Кромѣ охоты на звѣря, въ полярную ночь выпадали и такіе счастливые дни, когда можно даже ловить рыбу. Для этого промышленники опускали въ море небольшія рыболовныя сѣти и ждали, когда въ нихъ набьется навага.

Этой вкусной рыбы масса на Новой Землѣ; въ полярную ночь она близко подходитъ къ берегу, преслѣдуемая въ морѣ китами и дельфинами; порою густо набивается подъ самый прибрежный ледъ, хотя возня съ ея добычей, благодаря холодамъ, крайне непріятна.

Но и это счастье для нашихъ промышленниковъ и развлеченіе отъ нечего дѣлать.

*
* *

5-го декабря Кулебякинъ, между прочимъ, вноситъ въ свой дневникъ слѣдующую радостную запись:

„Небольшой вѣтерокъ. Попало въ рюжу больше воза сайки и немного наваги. Ходимъ. Почти темно. Бываетъ зорька не надолго, едва можно выстрѣлить, и снова опять темно“.

Это—середина уже полярной ночи; освѣщаютъ эту Землю теперь только одни сѣверныя сіянія, которыя при безоблачномъ морозномъ небѣ уже въ два часа дня, вслѣдъ за зарей, появляются на сѣверномъ горизонтѣ неба, потомъ тихо и торжественно надвигаются къ самому зениту въ видѣ перекинутаго свѣтлаго вымпела, потомъ вечеромъ разыгрываются разноцвѣтными огнями и словно спускаются къ самой землѣ. Ночью часто они переходятъ зенитъ и уходятъ къ югу, то отбрасывая отъ себя, какъ ра-

кеты, громадные колеблющіеся лучи, то перекидывая разноцвѣтныя красивыя ленты на темномъ небосклонѣ неба, то вдругъ расплываясь свѣтлыми легкими облачками, то незамѣтно уничтожаясь, чтобы снова разгорѣться на небѣ и окрасить его своимъ свѣтомъ.

И жутко какъ-то становится человѣку при видѣ этого непонятнаго небеснаго явленія, и трудно оторваться отъ него, созерцая его часами.

Только при свѣтѣ этихъ сіяній человѣкъ на этомъ островѣ снова видитъ окружающія горы, острова и море; но постухли они, нависла снова полярная тьма, и снова все скрылось для него надолго въ этой тьмѣ, и, кажется, нѣтъ ничего кругомъ, кромѣ снѣга.

* * *

6-го декабря промышленники праздновали поморскій праздникъ св. Николая. Это онъ покровитель сѣвера и моряковъ. Кулебякинъ праздновалъ именины свои и еще вечеромъ наканунѣ занесъ въ свой дневникъ слѣдующую скромную запись:

„Канунъ моего ангела. Вечеромъ попили—должно быть, отъ счастья при добычѣ—чайку. Помылся въ рукомойникѣ вмѣсто бани. Переодѣлъ бѣлье и зажегъ лампаду“.

Въ день именинъ у Кулебякина снова запись:

„Тихо. Морозъ. По случаю праздника не ходили на промыслы. Самоѣдъ Осокинъ ходилъ одинъ, добылъ двѣ нерпы“.

Хотя средина полярной ночи—время самое темное но все-таки есть возможность, пользуясь тихимъ временемъ, поохотиться хоть немного на морѣ.

Этотъ самоѣдъ Осокинъ, какъ членъ промышленной артели,

получаетъ часть промысла, пользуется провизіей наравнѣ со всѣми. Этой провизіей особенно дорожатъ наши промышленники, потому что знаютъ изъ горькаго опыта, что не хвати провизіи—смерть. Поэтому надзоръ за провизіей самый тщательный; мука, хлѣбъ, масло и чай съ сахаромъ выдаются самымъ внимательнымъ образомъ; но жена Осокина не хочетъ считаться съ этимъ важнымъ обстоятельствомъ и начинаетъ въ отсутствіи промышленниковъ тихонько таскать ихъ запасы, и это первая непріятность ихъ зимовки.

Уже на слѣдующій же день зимняго Николы у Кулебякина грустная запись:

„Тоже ходили къ морю, все море покрыто нилосомъ—тонкимъ льдомъ. Дома вышла непріятность изъ-за самоѣдки. Стали говорить, чтобы не воровала провизіи, что это на промыслѣ не годится дѣлать, воровски печь хлѣбъ и варить, замѣчали это и раньше".

Эта непріятность, видно, задѣла сильно самоѣда: онъ не захотѣлъ снести обиды ,и вышла первая ссора. Петръ Осокинъ, или какъ звали его по просту „Петрушка", отдѣлился отъ артели; и ему выдѣлили приходящуюся на его долю часть провизіи, и съ этого времени онъ сталъ промышлять самостоятельно. Повидимому, тутъ была и другая причина.

Вѣроятно, наши промышленники были плохіе стрѣлки, выѣзжали на опытности Осокина, промыслы ихъ не удавались, оставаться въ артели ему было невыгодно, и артель ихъ распалась на двѣ части.

* * *

„Бѣда идетъ—другую за собой ведетъ",—говоритъ русская поговорка. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Съ 6-го декабря артели

не посчастливилось, и въ ней стали замѣчаться недомоганія. Первымъ заболѣлъ товарищъ Кулебякина, Павловскій.

15-го декабря видна слѣдующая печальная запись:

„Сильная погода. Съ трудомъ попали на улицу, такъ занесло снѣгомъ избушку. Павловскій хвораетъ ногами“.

Это первые признаки начинающейся цынги, страшной болѣзни Сѣвера, которая всегда появляется тамъ въ темную полярную ночь, какъ только человѣкъ выбитъ изъ обычной колеи и дѣятельности, какъ только появляется первое уныніе, тоска по родинѣ, какъ только падаетъ дѣятельность сердца. Страшная болѣзнь, когда у человѣка портится кровь, съ тяжелымъ запахомъ начинаетъ выдѣляться сначала изъ десенъ, затѣмъ разливается скрытыми язвами въ ногахъ, и потомъ по всему тѣлу его вскрывается зловонными нагноеніями, заражаетъ послѣднюю кровь и заставляетъ человѣка умирать медленной тяжелой смертью. Спасеніе—движеніе, подъемъ духа, свѣжая животная кровь; нужно встряхнуть съ себя это уныніе, эту покорность судьбѣ и смерти; но у человѣка что-то уже парализировано, у него нѣтъ воли измѣнить свою полусонную жизнь. Когда пробуютъ воротить къ ней силою его товорищи, онъ скрывается отъ нихъ, проситъ со слезами оставить его въ покоѣ, и все чаще и чаще отдается сладкому сну, въ которомъ ему грезятся разныя наслажденія и, въ концѣ концовъ, онъ такъ поддается сну, что сонъ навѣки имъ овладѣваетъ. Онъ просыпается только передъ самой уже смертью, когда ему страшно хочется жить, но поздно уже, онъ—жертва потерянной воли.

Только случайность какая-нибудь можетъ спасти отъ цынги человѣка: свѣжая кровь убитаго животнаго или какая-нибудь передряга жизни, выгнавшая его на улицу, на чистый воздухъ.

Хуже всего то, что эта болѣзнь самымъ удручающимъ образомъ дѣйствуетъ на другихъ. Боязнь и уныніе овладѣваетъ человѣкомъ, онъ невольно теряетъ присутствіе духа, веселость и беззаботность свою, онъ невольно поддается общему унынію, которое только и нужно болѣзни. И смотришь, въ партіи—уныніе, смолкли шутки и разговоры, жизнь разстроилась, печаль и забота на сердцѣ, у одного за другимъ уже начинаются такія же заболѣванія, и болѣзнь овладѣваетъ всѣмъ экипажемъ судна.

Часто случается, что вымираетъ цѣлая партія, и останется только одинъ человѣкъ, въ которомъ нашлись еще силы бороться съ этой ужасной болѣзнью.

Невесело встрѣтила партія Кулебякина и веселый нашъ рождественскій праздникъ. Въ дневникѣ его записано:

„Вѣтеръ. Снѣгъ. Рождество Христово“. Другими словами, настоящій буранъ, когда страшно выйти на дворъ, когда не видно въ полярную ночь кругомъ на самое короткое разстояніе.

Эти бураны тамъ постоянно. Срываясь съ горъ, вѣтеръ поднимаетъ не только снѣгъ, но и камни на воздухъ, и горе человѣку отойти отъ своего жилища даже на небольшое разстояніе, такъ какъ легко заблудиться. Въ такой вѣтеръ даже человѣка вѣтромъ приподнимаетъ на воздухъ и бросаетъ на землю; въ такой вѣтеръ ему заслѣпляетъ глаза, стѣсняетъ дыханіе, онъ быстро теряетъ направленіе и даже не можетъ звать къ себѣ на помощь. Голосъ его прерывается, дыханіе захватываетъ, и онъ часто покоряется неизбѣжной въ такомъ положеніи участи—быть живымъ засыпаннымъ снѣгомъ. И въ этомъ снѣгу онъ находитъ спасеніе: это живая его могила, въ которой полная тишина, и нѣтъ холода, и нѣтъ особенно пронизывающаго тѣло вѣтра.

Праздникъ для партіи начался только 29-го декабря, когда

вдругъ наступила сильная оттепель, которая часто тамъ сопровождаетъ сильные бураны. Послѣ страшнаго вѣтра и холода вдругъ дѣлается тепло, иногда даже льетъ проливной дождь на какой-нибудь день времени; все вдругъ кругомъ словно возвращется къ жизни послѣ долгой спячки и оцѣпенѣнія, и человѣкъ радуется теплу и скорѣе торопится провѣтрить свое жилище. Такъ было и съ этой партіей, какъ видно по записи въ дневникѣ Кулебякина:

„29/XII. Пасмурно. Оттепель. Первый день открыли окна на 3 часа. Свѣтъ".

Свѣтъ! Свѣтъ, котораго такъ ожидали эти промышленники; свѣтъ послѣ долгой, полярной, холодной ночи. Не солнышко яркое, лучистое, а только еще свѣтъ зари на южномъ небосклонѣ; свѣтъ, едва проникавшій въ ихъ жилище, окно котораго до этого было заколочено, закупорено, потому что оно безполезно безъ свѣта.

Свѣтъ на три часа и оттепель—первыя вѣсточки того, что къ нимъ возвращается тепло и солнце.

III.

Вскорѣ промышленники встрѣтили Новый годъ и отпраздновали его по-своему. Они рѣшили подвести итогъ всему своему промыслу за только что пережитое время минувшаго года. Итогъ хотя вышелъ не очень утѣшительнымъ, но все же цѣннымъ.

Въ дневникѣ Кулебякина онъ записанъ слѣдующими словами:

„Къ 1-ому января промыслили: 18 зайцевъ (особый родъ морскихъ тюленей), 5 бѣлухъ (дельфиновъ бѣлыхъ), 48 нерпъ (маленькихъ тюленьковъ) и 2 оленя. Итого 73. Песцовъ промышляли каждый отдѣльно".

Вотъ оно то счастіе, удача промысла, о чемъ мечтали эти люди! Самое большее, на короткій счетъ, какихъ-нибудь 300 руб., пожалуй, вмѣстѣ съ песцами.

Промышленники пали духомъ: надежды ихъ рушились, дѣйствительность ровно ничего не обѣщала, кромѣ цынги, которая стала къ этому времени уже замѣтно подтачивать ихъ силы.

Въ началѣ января цынгой хворали уже всѣ колонисты, кромѣ самоѣда съ семьей. Самоѣдъ Осокинъ уже задумалъ бѣжать отъ этой эпидеміи. Вѣроятно, это сознавали и промышленники, покидаемые ихъ товарищемъ на произволъ страшной болѣзни.

Поддаваться болѣзни было страшно, и колонисты рѣшили бороться съ нею всѣми силами, и первое, что предприняли, это устройство въ избушкѣ бани. Но, кажется, средство это только надѣлало имъ однихъ хлопотъ, потому что, устроивъ баню въ холодномъ помѣщеніи, жарко натопивъ ее, они добились лишь того, что страшно угорѣли. И въ результатѣ получилась только лишняя сырость въ хижинѣ: отсырѣли еще болѣе стѣны, пронизанныя холодомъ, промороженныя за зиму.

„9/I—пишетъ въ своемъ дневникѣ Кулебякинъ—ясно. Сильный морозъ. Топили баню и угорѣли. Особенно Кайсимовичъ (третій товарищъ Кулебякина) и Хлоповъ“. А 17 января уже новая тревожная запись:

„Команда начинаетъ хворать. Тухнутъ ночи. Павловскій (товарищъ Кулебякина) сильно хвораетъ, чувствуя боль въ ногахъ“.

Цынга развивается въ колоніи именно въ то самое время, когда для острова наступаетъ новая жизнь, для жителей его—новая дѣятельность, такъ какъ полярная ночь миновала. Теперь уже нѣтъ продолжительной ночи: заря ежедневно все болѣе и болѣе разгорается; скоро на островѣ проглянетъ солнышко, и хотя

на немъ холодно еще, совсѣмъ незамѣтно даже весны, но все же человѣкъ не будетъ жить во мракѣ.

Бѣдняги, промышленники, не встрѣтили даже солнышка, такъ удручены они были болѣзнью. Встрѣча солнышка составляетъ тамъ, на этомъ островѣ, самое радостное, только извѣстное одному полярному человѣку событіе жизни.

24 января слѣдующая тревожная запись:

„Вѣтренно. Тепло. Время самое печальное: команда хвораетъ. Только и слышно: „О, Боже мой". Ходить рѣшительно некуда и нельзя, потому что стоятъ погоды. Въ избушкѣ сырость."

А 26-го января, когда уже показалось солнышко въ этой сѣверной широтѣ, самая печальная запись: „Пасмурно. Печальный день—померъ Павловскій въ 5 часовъ и 20 минутъ вечера. Топили поэтому случаю баню, обмывали тѣло его, потомъ приготовили его, положили въ переднемъ углу, зажгли восковыя свѣчи и покадили."

Что было на душѣ бѣдныхъ промышленниковъ при смерти товарища, ясно безъ словъ.

Такъ какъ держать тѣло умершаго рѣшительно не было возможности въ жиломъ помѣщеніи, то его устроили на дворѣ, для чего во избѣжаніе того, чтобы его не поѣли песцы, устроили около него вахту, караулъ, со смѣною поочередно.

27-го января слѣдующая новая запись:

„Тихо. Выпало много снѣгу. Назначали вахту у покойнаго. Сидѣли поперемѣнно съ самаго утра. Стали дѣлать гробъ и приступили къ рытью могилы. Грунтъ твердый, каменистый, почему вырубили топорами немного съ поверхности земли, чтобы только положить покойника, и закрыли его землею рядомъ съ крестомъ

на горкѣ. Команда дѣлается все больнѣе; самоѣдка Анна плачетъ, чувствуя боль. Самъ чувствую заболѣваніе.“

Повидимому, смерть члена зимовки произвела самое удручающее впечатлѣніе даже на самоѣдовъ. Женщина уже больна, ходитъ на промыселъ только одинъ Осокинъ. Остальная команда уже въ постеляхъ.

* * *

Но весь ужасъ положенія промышленниковъ еще впереди; къ началу февраля у нихъ кончилась вся провизія, и впереди вмѣстѣ съ болѣзнью цынгой еще голодовки.

Хозяинъ ихъ—Масленниковъ, видимо, снабдилъ ихъ провизіей въ очень ограниченномъ количествѣ: ея не хватило и на половину зимовки, промыслы же команды ничтожные, и, видимо, ихъ кухню поддерживаетъ только еще самоѣдъ, который одинъ за всѣхъ ходитъ теперь на промыслы, жалѣя свою семью.

4-го февраля слѣдующая запись, еще болѣе печальная, чѣмъ при смерти товарища.

„Вѣтеръ и погода. Въ Мелкую губу нанесло много морского льду. Звѣрь отошелъ—нѣтъ промысла. Харчу никакого. Варили и жарили, и ѣли мясо тюленя.“

Начали питаться уже тѣмъ, чѣмъ кормили раньше только собакъ.

9-го числа еще страшнѣе запись:

„Команда вся хвораетъ.“

„11-го февраля. „Холопову все хуже. Ничего не можемъ дѣлать. Плохо. Топило баню. Остальные лежатъ больные“.

20-го февраля еще того печальнѣе запись Кулебякина:

„Командѣ все хуже. Зайдешь въ избу, только и слышишь

плачъ и стонъ со всѣхъ сторонъ. Самъ чувствую себя все хуже и хуже. Подъ грудью жметъ больше всего“.

Къ концу февраля всѣ уже лежали больными, не имѣя возможности даже выйти на улицу. Въ хижинѣ была страшная духота и отвратительный запахъ. Чтобы не поддаться окончательно цынгѣ, предприняли перекрикиваніе между больными: „Спишь?“—спрашивалъ одинъ своего сосѣда, другой отвѣчалъ ему: „нѣтъ“. Если не было отвѣта,—будили другъ друга насильно. Рѣшено было спать ложиться только въ 9 часовъ вечера, а вставать въ 4 часа утра и даже въ 3 часа съ половиной.

Чтобы не погибнуть отъ цынги, самоѣдъ Осокинъ одинъ самоотверженно охотился въ морѣ, рискуя погибнуть. Каждый убитый тюлень доставлялся теперь въ колонію, и промышленники пьютъ кровь его и ѣдятъ его сырое мясо.

Но всѣ надежды, хоть этимъ обновить загнившую кровь, были напрасны, цынга развивалась все болѣе и болѣе, и становилось страшно за всѣхъ.

Въ концѣ февраля слегъ въ постель и самъ авторъ дневника, видимо, дольше всѣхъ боровшійся съ этой болѣзнью.

Больны были и самоѣды—Анна, жена Осокина, и дѣти ея,—Федька и Андрюшка.

Но автору дневника, Кулебякину, не хочется еще поддаться болѣзни: онъ старается двигаться, выходитъ даже на промыселъ, чтобы хоть сколько-нибудь помочь самоѣду Осокину прокормить больныхъ, но съ больными ногами оказывается ему очень трудно двигаться.

23-го февраля такая запись:

„Ясно и тихо. Видѣли на промыслѣ слѣды бѣлаго медвѣдя. Но одному далеко ходить опасно. Можно бы сходить ночью, но не

съ кѣмъ (неудобно безъ товарища охотиться на такого лютаго звѣря), да и самъ я врядъ ли устою. У меня выступила большая сыпь по тѣлу, и ноги тоже тоскуютъ. Не знаю рѣшительно, что дѣлать.“

Между тѣмъ, на Новой Землѣ только что начинается теперь настоящій промыселъ; въ февралѣ открывается море, заливы вскры-

ваются, хотя и не на всемъ разстояніи, а главное—солнце, еще недавно только что показывавшееся ненадолго на небосклонѣ, теперь почти не сходитъ съ него, и даже ночь и та теперь свѣтлая, съ широкою бѣлою зарею. Почти совсѣмъ пронеслись зимнія погоды, стихло отъ плавающихъ льдовъ и бурное море. И оттуда съ далекихъ ледяныхъ полей нѣтъ-нѣтъ и донесется до берега

голосъ прилетной птицы. Это турпаны, гаги, пингвины, которые сюда въ это время уже приплываютъ съ острововъ Шотландіи.

Словомъ, начинается весна, и хотя холода продолжаютъ стоять порядочные, но въ морѣ уже пахнетъ весною: вдоль линіи льдовъ бродитъ медвѣдь, въ поискахъ спящаго тюленя; на многочисленныхъ полыньяхъ воркуютъ гаги; тамъ же бѣгаетъ догадливый песецъ въ поискахъ пищи, тамъ же лежитъ теперь тюлень, вылѣзая въ свои ледяныя отдушины и грѣясь на солнцѣ. И раздолье охотнику при видѣ этой жизни; весело промышленнику при видѣ богатаго и доступнаго теперь промысла.

Даже самъ авторъ дневника пишетъ по поводу этого: „Вотъ и дождались долгихъ деньковъ. Прожили темное время. Теперь бы только промышлять, а всѣ больные“. Въ хижину зимовки, оказывается, страшно зайти: „все охаркано, заплевано, всюду нечистота, запахъ тяжелый и стоны“. Цынга въ полномъ разгарѣ, во рту у всѣхъ опухоль, боль, десны красныя отъ крови, зубы выпадаютъ. Относительно цынги Кулебякинъ пишетъ въ дневникѣ слѣдующее:

„Чудная боль. Сперва ноютъ пятки, словно мерзнутъ, потомъ пойдетъ по ногамъ то же самое выше колѣнъ, и начинается колотье, ломитъ колѣни и стягиваетъ жилы, и человѣкъ поневолѣ долженъ лежать. Затѣмъ по всему тѣлу показывается сыпь, и сыпью покрываются руки“.

Кромѣ того, при этой болѣзни трудно даже принимать самую пищу, потому что въ полости рта появляется опухоль и проглотить пищу почти невозможно безъ боли.

Конецъ февраля будто нарочно ознаменовался для бѣдныхъ промышленниковъ страшнымъ бураномъ, въ который такъ занесло ихъ бѣдную хижину, что они должны были выбираться на

улицу чрезъ дымовое отверстіе, такъ какъ сѣни занесло снѣгомъ вровень съ крышей.

Но теперь погоды уже не такъ продолжительны: 2-го марта снова уже, судя по дневнику Кулебякина, ясно и тихо; онъ ходитъ даже на промыселъ, но только жалуется на товарища Осокина, который тоже, повидимому, уже захворалъ цынгой и все лежитъ и стонетъ.

Ясно, что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ для пропитанія всей партіи, тѣмъ болѣе еще больной, у котораго, по его словамъ, появилась уже одышка и стали такъ болѣть ноги, что двигаться невозможно безъ слезъ.

* * *

Неизвѣстно, что было бы съ этой несчастной партіей на этомъ островѣ въ такомъ положеніи; ясно одно, что они бы умерли съ голода, если не отъ цынги, потому что запасовъ провизіи уже вовсе не было,—промышленники давно уже питались только однимъ тюленьимъ мясомъ и жиромъ, отвратительная пища, видимо, была не всѣмъ по нутру, и русскіе промышленники тяготились ею, какъ нечистою, и ею довольствовались одни самоѣды.

Какъ, вдругъ, неожиданное счастье. Къ нимъ пріѣзжаетъ самоѣдъ—Яковъ Запасовъ. Онъ зимуетъ эту зиму на Маточкиномъ проливѣ южнѣе Мелкой губы. Онъ ѣздилъ теперь на собакахъ вдоль острова, охотясь за бѣлымъ медвѣдемъ, и, охотясь, случайно, попадаетъ въ ихъ зимовку.

Недаромъ его зовутъ по прозвищу „Новоземельскій волкъ“: онъ рыскаетъ каждую весну по острову, охотясь на бѣлыхъ мед-

вѣдей, и порой забирается въ такую даль, что даже за него становится страшно.

Это не бѣдный поморъ-промышленникъ, еще не знающій, какъ нужно жить на этомъ островѣ, это—настоящій сынъ этой полярной страны, для котораго не существуетъ опасности ни на сушѣ, ни на морѣ. Для него ровно ничего не стоитъ быть занесеннымъ снѣгомъ,—онъ устраивается въ снѣгу съ такими же удобствами, какъ въ своемъ чуму; для него не страшно даже быть оторваннымъ отъ берега и унесеннымъ на льдахъ въ море. Онъ всюду найдетъ возможность отдѣлаться отъ бѣды и ужъ никогда не поддастся цынгѣ, этой болѣзни, какъ говорятъ самоѣды, лѣнтяевъ или неопытныхъ.

Вотъ этотъ-то „новоземельскій волкъ" и спасаетъ партію Кулебякина, отдавши ей всю свою провизію въ видѣ мяса бѣлаго медвѣдя и гольца и, главное, обнадеживъ ихъ, что онъ ихъ будетъ тутъ теперь провѣдывать и, при случаѣ, вывезетъ даже въ свою колонію къ Маточкину проливу.

Относительно этого пріѣзда у Кулебякина слѣдующая радостная запись:

„4-ое марта. Пріѣхалъ, послѣ обѣда, изъ Маточкина Шара Запасовъ вдвоемъ съ самоѣдомъ-товарищемъ, привезли свѣжей провизіи—медвѣжьяго мяса и гольца":

Но, должно быть, что провизіи было немного, потому что уже на слѣдующій день Кулебякинъ пишетъ о томъ, что они ѣли снова тюленью равушку и пили его кровь. Но Запасовъ,—ихъ гость, гоститъ съ ними нѣсколько дней и заботится: ходитъ на промысель, добываетъ имъ тюленей, ухаживаетъ, какъ можетъ, за больнымъ Кулебякинымъ и вообще утѣшаетъ. Чтобы спасти кого-нибудь отъ неизбѣжной смерти изъ партіи, онъ рѣшается

увезти сильно больного Холопова, товарища Кулебякина, и семью своихъ сородичей—тоже уже больныхъ самоѣдовъ. А чтобы Кулебякинъ не погибъ отъ цынги одинъ, онъ оставляетъ ему своего работника-спутника по промыслу, здороваго парня Яшкова. Онъ убѣждаетъ Кулебякина не отчаиваться въ спасеніи, обѣщаетъ скоро пріѣхать за нимъ и увезти его въ колонію, чтобы спасти и его отъ этой зараженной цынгой избушки.

IV.

Наступаетъ новый періодъ ихъ зимовки. Партія разбита, спаситель уѣхалъ, и впереди только одна надежда на спасеніе этого отважнаго самоѣда.

Объ этомъ отъѣздѣ пишетъ слѣдующее въ своемъ дневникѣ Кулебякинъ:

„13-го марта. Самоѣды уѣхали въ Маточкинъ Шаръ и увезли съ собой нашихъ самоѣдовъ. Взяли 3 ружья Ремингтона и 100 патроновъ.“

На другой день онъ продолжаетъ объ этомъ же:

„14-го марта. Пасмурно и тихо. Самоѣдъ Запасовъ уѣхалъ и увезъ Федьку Холопова, который былъ едва живъ и даже не могъ подняться съ мѣста. Болѣлъ одинъ мѣсяцъ. Онъ нанялъ самоѣда Запасова за 40 рублей, чтобы онъ увезъ его къ себѣ и прокормилъ его до прихода лѣтомъ парохода. Всѣ уѣхавшіе отступились отъ промысла и взяли съ собой только однѣ шкурки песцовъ. Запасовъ выпросилъ у меня ружье и 100 патроновъ для охоты.“

Ясное дѣло, что теперь надежды на благополучный исходъ ихъ зимовки окончились, теперь забота была уже не о промы-

слѣ, не о богатствѣ, не объ обезпеченіи семьи, а только какъ бы выбраться благополучно съ этого полярнаго острова, который встрѣтилъ ихъ, вмѣсто ожидаемаго счастія, лютой цынгою. Даже Кулебякинъ, — самый отважный изъ нихъ, самый крѣпкій въ физическомъ отношеніи, задумывался теперь не о томъ, о чемъ мечталъ еще недавно, но какъ бы только выбраться изъ Мелкой губы и избавиться отъ этой болѣзни. А болѣзнь уже подобралась и къ нему: у него болѣли сильно ноги, ныла грудь, а отъ плохой и недостаточной пищи и совсѣмъ отощалъ организмъ и не могъ бороться съ болѣзнью. На промыслы они уже не ходили теперь съ новымъ товарищемъ по зимовкѣ,—Яшковымъ, а ожидали только, когда явится снова самоѣдъ Запасовъ и увезетъ ихъ съ этого неблагополучнаго, зараженнаго мѣста.

22-го марта, незадолго до Благовѣщенія, этого весенняго веселаго и на этомъ островѣ праздника, когда прилетаетъ туда масса птицы, и появляются снова веселыя пуночки, онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ:

„Топили баню. Не ходимъ никуда. У меня боль продолжается: ноетъ подъ грудью, и немного болитъ правая нога. Чтобы не умереть отъ цынги, пью нерпичью кровь и ѣмъ медвѣжье сырое мясо. Больше и ѣсть нечего: провизія вся кончилась. Товарищъ ѣстъ только одинъ хлѣбъ. Время стоитъ все холодное, тепла нѣтъ“.

У Кулебякина, повидимому, вся надежда на нерпичью кровь и сырое медвѣжье мясо, оставленное Запасовымъ, которыя, какъ свѣжая пища и при томъ въ сыромъ видѣ, немного поддерживаютъ его силы. Но въ Благовѣщенье, этотъ великій праздникъ весны, кажется, у Кулебякина нѣтъ даже и этого праздничнаго настроенія, и въ его дневникѣ нѣтъ уже ничего, кромѣ только заботы о пищѣ!

„25-го марта. У меня боль увеличивается: все хуже, весь слабну,—руки и ноги. Зажимаетъ грудь. Насилу хожу. Ѣсть нечего, въ запасѣ одинъ только хлѣбъ. Медвѣжины нѣтъ, крови не достанешь".

Черезъ два дня отчаянная запись:

„27-го марта. Товарищей все нѣтъ, никто не ѣдетъ, а самъ чувствую, что мнѣ дѣлается хуже и хуже. Сталъ ходить уже съ трудомъ. Утро похожу около печки, а потомъ весь ослабну и уже не могу встать".

Видимо, цынга сваливаетъ и самого автора дневника. Еще 30-го марта есть маленькая отчаянная запись о томъ же болѣзненномъ его состояніи, а дальше уже идетъ другая, товарища его, Яшкова.

„1-го апрѣля. Кулебякинъ слегъ. Опухоль спустилась на ноги, и онъ не можетъ ходить отъ хорошей пищи—хлѣба и воды. А Якова Запасова все нѣтъ. Сулился до Благовѣщенія или послѣ Благовѣщенія, и все не ѣдетъ!"

Они ждутъ Запасова, его нѣтъ, и, кажется, ихъ это удручаетъ болѣе самой болѣзни. Кулебякинъ уже начинаетъ отчаиваться; онъ чувствуетъ, что болѣзнь осилила его, что недалеко конецъ его, что не явись въ эти дни спасителемъ самоѣдъ Запасовъ, его ожидаетъ та же участь, что и его бѣднаго товарища, который уже мирно лежитъ на холмикѣ.

Кажется, это-то сознаніе неизбѣжности смерти заставляетъ его написать письмо своей женѣ и дѣтямъ.

Это письмо погибающаго человѣка въ высшей степени трогательно и характерно.

„Загробное письмо супругѣ, любезной Аннѣ Прокопьевнѣ, отъ супруга вашего, Николая Яковлевича. Всѣмъ низко кланяюсь

и цѣлую послѣдній разъ и желаю отъ Бога добраго здоровья. И прошу простить меня грѣшнаго. И также дѣтямъ своимъ, Петру Николаевичу и Авдотьѣ Николаевнѣ, и новорожденному посылаю заочное родительское свое благословеніе, на всѣхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, и простите отца своего, и попросите у Бога прощенія во грѣхахъ моихъ и прошу отпѣть и отслужить панихиду.

Милая супруга, прошу тебя, не пущай дѣтей своихъ по міру, проси изъ милости хозяина Дмитрія Николаевича Масленникова,—онъ тебя не оставитъ и сиротъ твоихъ, дастъ кусокъ хлѣба. Промыслу расчитаться будетъ, ежели выдастъ тебѣ по условію 100 рублей. Вещи мои получить: одни бахилы, 3 брюкъ, 2 пары новыхъ, 2 рубашки, сатиновая грудь, 1 платокъ, 3 шапки, 1 норвежская отворотка и двѣ самъ сшилъ,—Петрушкѣ, изъ нерпъ отворотки, шарфъ, 2 теплыхъ рубашки, рукавицъ 5 паръ, кафтанъ, венгерка и малица, 1 одѣвальница, 1 подушка, перина—вамъ самимъ, 3 пары туфель, одна—высокія, одна—маленькія—Дунѣ и Петру. Сшита еще заготовка на бурки, сшилъ бы здѣсь, да нѣтъ подкладки, отдать кому-нибуць, такъ сошьютъ, все выдѣланная нерпа. Есть 2 пары подошвъ кожи, сундукъ и корзина, есть поярковая шляпа, смѣненная на кепку, когда былъ Калинычъ съ Николаемъ.

Если Петрушка Осокинъ будетъ живъ, то онъ долженъ привезти тебѣ это все и отдать тебѣ“.

Такъ готовится русскій человѣкъ къ смерти своей—спокойный, не забывающій Бога, занятый уже не собственнымъ своимъ существованіемъ, а будущностью близкихъ своихъ родныхъ. Человѣкъ ни на кого не жалуется; онъ сознаетъ, что жалобы здѣсь неумѣстны, онъ сознаетъ, что кончаетъ свое существованіе, и только проситъ прощенія и молитвъ.

* * *

Можно представить, каково было его новому товарищу Яшкову съ нимъ, больнымъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ нечего было ѣсть, кромѣ только хлѣба, тѣмъ болѣе, что и этотъ товарищъ его чувствовалъ, какъ уже и его захватываетъ цынга.

Въ отчаяніи, чтобы не умереть, онъ отправляется въ Крестовую губу, сѣвернѣе Мелкой, гдѣ, по слухамъ, зимовали норвежцы, чтобы запастись хотя тамъ свѣжей провизіей, потому что одинъ хлѣбъ уже нисколько не поддерживалъ ихъ силы. Что онъ досталъ тамъ—неизвѣстно; но, кажется, тамъ тоже не было промысла, и онъ ровно ничѣмъ не разжился.

Относительно этого у Яшкова, теперь продолжавшаго дневникъ, была слѣдующая запись:

„Я пошелъ въ Крестовую губу, къ норвежцамъ, за провизіей, такъ какъ у насъ провизіи не было, кромѣ чаю, сахару и муки, а одинъ хлѣбъ надоѣлъ. Пришелъ домой, а Николай Кулебякинъ уже сутки печи не топилъ. Я спросилъ: „что ты лежишь", а онъ говоритъ: „встать не могу, ноги не дѣйствуютъ".

Безъ свѣжей пищи трудно было пробиться съ такой болѣзнью, силы Кулебякина падали, и онъ 19-го апрѣля, такъ и не дождавшись Запасова, скончался.

Смерть Кулебякина слѣдующимъ образомъ описываетъ въ дневникѣ Яшковъ:

„Прожили до перваго дня Пасхи. Въ Пасху Николай (Кулебякинъ) мнѣ сказалъ, что у него спала съ ногъ опухоль. „Какъ бы,—говоритъ,—пища свѣжая, такъ я бы пошелъ на промыселъ". Но это была уже смерть. Я опечалился. Думаю: „вотъ бѣда, онъ

погибнетъ, и мнѣ не миновать“, потому что у меня тоже одну ногу стянуло болѣзнью такъ, что я не въ состояніи ходить.“

Это было 18-го апрѣля.

На второй день Пасхи Яшковъ пишетъ:

„Во второй день Пасхи я убиралъ нерпъ. Вдругъ слышу крикъ Кулебякина изъ избушки. Я вбѣгаю въ избу и вижу Кулебякина, мечущагося въ постели. Когда я зашелъ, онъ проговорилъ: „Прости мою душу грѣшную: я помираю“!..

„Въ тотъ день я уже никуда не отлучался отъ больного. Цѣлый день все отнималъ у него изъ рукъ, потому что онъ все рвалъ въ предсмертной агоніи и даже порывался себя лишить жизни. Кулебякинъ хотѣлъ уничтожить и дневникъ; но я отнялъ его у него, и онъ только вырвалъ одинъ его листокъ или нѣсколько.“

Повидимому, организмъ Кулебякина долго боролся со смертью, не поддаваясь, потому что агонія, начавшись еще на второй день Пасхи, продолжалась и на третій день ея.

На третій день Пасхи Яшковъ пишетъ:

„Когда я вскочилъ утромъ, пробудившись, съ своей постели, я увидѣлъ Кулебякина нагишомъ. Онъ неистово колотилъ свою койку. Я одѣлъ его и силой уложилъ въ постель. Онъ попросилъ себя окутать потеплѣе. Потомъ я затопилъ печь и, спустя немного времени, его окликнулъ: „Николай, ты спишь?“ Отвѣта не было. Я подошелъ къ нему и вижу, что онъ умеръ. Глаза и ротъ открыты. Мнѣ стало жутко, потому что я остался одинъ. Я зажегъ свѣчку и покадилъ на него ладаномъ, думая: „Онъ умеръ, не миновать и мнѣ“.

Потомъ я напился чаю и пошелъ дѣлать ему гробъ. Вечеромъ еще покадилъ его и легъ спать. На завтра утромъ нужно

было хоронить его, но силъ у меня не было рыть ему могилу, и я, разставивъ бочки на пути къ гробу его за избой, такъ какъ у меня не было силъ нести его, — другую ногу у меня уже стянуло. Взялъ въ охапку его тѣло и такимъ образомъ съ бочки на бочку перетащилъ его и положилъ его въ гробъ. Потомъ покадилъ еще на него ладаномъ и простился".

Оставшись одинъ, Яшковъ упалъ духомъ и съ каждымъ днемъ чувствовалъ, что и ему не миновать смерти, потому что болѣзнь явно охватывала его и дѣлала едва подвижнымъ. Но все же онъ не покидаетъ дневника, который, быть можетъ, теперь является для него единственной утѣхой въ одиночествѣ.

На другой день послѣ смерти Кулебякина онъ пишетъ:

„20-го апрѣля. Одинъ теперь остался. Не съ кѣмъ поговорить! Грустно стало. Якова Запасова все нѣтъ съ Маточкина Шара. Обѣщался прiѣхать до Благовѣщенiя, а теперь 20-е апрѣля, и его нѣтъ. Спасибо ему за это".

„21-го апрѣля. Ясно и солнце весь день. Воды нѣтъ. Жду съ Маточкина Шара Якова, но его все еще нѣтъ".

„22-го апрѣля. Ясно и солнце весь день. Ходилъ на горы три раза, чтобы посмотрѣть, не ѣдутъ ли съ Шара, но никого нѣтъ. Строгалъ нерпъ".

Наступила весна на Новой Землѣ, солнце уже совсѣмъ не закатывалось съ 1-го апрѣля, море уже вскрывалось отъ льдовъ, повсюду начиналась жизнь, только въ зимовкѣ промышленниковъ было пусто и грустно.

23-го апрѣля Яшковъ пишетъ снова слѣдующее въ дневникѣ:

„Солнце весь день. Сильный вѣтеръ съ горъ, а губа Мелкая все стоитъ во льду, и оторвало ледъ только по Поворотному мысу. Въ морѣ льду не видно. Повѣсилъ рваную рубашку вмѣсто флага

на гору, можетъ, кто-нибудь увидитъ. Пекъ послѣдній хлѣбъ и ходилъ пять разъ на горку, все жду Якова Запасова. Очень скучно. Ноги мои сильно болятъ, одну стянуло совсѣмъ въ колѣнѣ такъ, что хожу съ трудомъ, а надо пересилить болѣзнь, иначе она меня погубитъ. Ѣсть совсѣмъ нечего, одинъ хлѣбъ, а боль этимъ не выжить".

Чѣмъ бы кончились и эти печальныя записи, чѣмъ бы кончились и эти страданія оставленнаго на произволъ судьбы на этомъ островѣ человѣка, — неизвѣстно; но 24-го апрѣля къ нему на выручку, наконецъ, пріѣзжаетъ изъ Маточкина Шара Яковъ Запасовъ. Онъ находитъ его въ самомъ плачевномъ состояніи: совершенно истощеннымъ и больнымъ, не могущимъ даже двинуться, и поскорѣе увозитъ его изъ этой несчастной зимовки.

Увезенный имъ ранѣе Холоповъ умеръ уже въ колоніи, такъ и не дождавшись выѣзда съ Новой Земли.

Изъ всѣхъ зимовщиковъ Мелкой губы въ живыхъ осталось только семейство самоѣда Осокина; оно вынесло страшную цынгу и лишенія и теперь поправлялось тихонько въ колоніи подъ присмотромъ и заботой самоѣдовъ; всѣ трое поморъ-промышленниковъ такъ и погибли здѣсь, не дождавшись счастья.

Было лѣто уже ясное, теплое на этомъ островѣ, когда въ Мелкую губу зашелъ пароходъ изъ г. Архангельска съ порученіемъ отъ промышленника Масленникова взять промышленниковъ, ихъ промыселъ и доставить въ г. Архангельскъ.

Но увы, уже подходя къ Малой губѣ, завидѣвъ зимовку, съ парохода замѣтили въ зрительную трубу, что на ней нѣтъ движенія и пусто. Нѣтъ ни радостнаго салюта промышленниковъ изъ ружей, нѣтъ ни флага, болтается какой-то только отрепокъ его на мыскѣ, нѣтъ даже движенія около хижины, не видно даже со-

баки... Пароходъ бросаетъ якорь, но на берегу полная тишина. Пароходъ даетъ долгій пронзительный свистокъ, чтобы вызвать хоть одно какое-нибудь движеніе, фигуру человѣка, но на островѣ только отдается какое-то грустное эхо.

Команда парохода встревожена, капитанъ приказываетъ спустить шлюпку и ѣхать къ берегу, и лоцманъ, и нѣсколько матросовъ, при жуткой тишинѣ, отправляются къ этой роковой зимовкѣ.

Можно представить ихъ удивленіе, когда они вмѣсто людей находятъ свѣжія могилы и гробъ, съ непокрытой еще крышкою, у самыхъ дверей избушки!

Можно представить ихъ ужасъ, когда они осматриваютъ хижину съ слѣдами страшной болѣзни.

Можно представить ихъ удивленіе, когда они неожиданно въ трубѣ хижины находятъ этотъ несчастный дневникъ.

Яковъ нарочно, оказывается, оставилъ его подвѣшеннымъ въ трубѣ этой хижины на случай прихода сюда парохода.

Вмѣсто радостной встрѣчи пришлось рыть могилу. Вмѣсто радостнаго свиданія—похороны.

Говорятъ, на пароходѣ была мертвая тишина, когда возвращалась съ страшной вѣстью его шлюпка. Команда словно предчувствовала несчастіе, и, когда на палубѣ появился съ дневникомъ въ рукахъ лоцманъ, всѣ догадались о страшномъ несчастіи и окружили его.

Разсказывать было много нечего. Лоцманъ повѣдалъ о несчастіи, и всѣ сняли шапки и перекрестились.

Такъ окончилась эта зимовка промышленниковъ! Такъ обмануло нашихъ поморовъ призрачное счастье!

Книгоиздательство **Д. И. Тихомирова.**

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ и ШКОЛЫ.

	ЦѢНА. КОП.
Тихомировъ, Д. И. Великая княгиня Ольга	1
Пушкинъ, А. С. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ	1
Его же. Сказка о золотомъ пѣтушкѣ	1
Киплингъ, Р. Вѣрный другъ. Съ рис.	1
Гольцевъ, В. А. Что такое подати, и для чего ихъ собираютъ	3
Тихомирова, Е. Н. Правда и кривда. Сказка. Съ рис.	3
Ея же. Сказка о горѣ-злосчастіи.—«Загадка»	3
Берлинъ, Я. А. Меньшіе братья въ семьѣ народовъ. Очерки быта и нравовъ дикарей. 17 очерковъ. Съ рис. За томикъ	отъ 3 до 8
Эварницкій, Д. И. Святки въ Малороссіи. Съ рис.	5
Его же. Добрый пастырь. Съ рис.	5
Жоржъ-Зандъ. Великанъ Іеусъ.	5
Овсянниковъ, А. В. Суворовъ. Съ рис.	5
Огочининъ, Е. Н. Рождественское богомолье воеводы.	5
Его же. Непутевый	5
Его же. Въ прощеные дни	5
Его же. Бѣднячекъ	5
Уайльдъ, Оскаръ. Принцъ-счастливецъ.	5
Его же. Дитя-звѣздочка.	5
Свѣшникова, Е. Добрый старикъ	5
Алферовъ, А. Д. Бѣлинскій В. Г.	5
Владимирова, Е. П. Учительшины дѣти	5
Тихомирова, Е. Н. Другъ несчастныхъ Ѳ. П. Гаазъ	5

	ЦѢНА. КОП.
Линдеманъ, К. Е. О червяхъ, опустошающихъ наши лѣса	5
Короленко, В. Г. Старый звонарь	7
Порошинъ, Ив. А. Дѣдушка Корнилій	7
Альбовъ, М. Н. Послѣдній день Іуды. Съ рис.	7
Дружининъ, Н. П. Формы правленія	8
Эварницкій, Д. И. Слѣпой баянъ Ѳома Провора. Съ рис.	8
Уайльдъ, Оскаръ. Юный король. День рожденія испанской принцессы.	10
Его же. Великанъ.—Дружба	10
Берлинъ, Я. Люди всякаго чина и званія. 6 вып. по	10
Тихомировъ, Д. И. Пушкинъ, А. С. Чтеніе для школъ и народа. Съ рис	10
Тихомировъ, Д. И. Жизнь и труды В. А. Жуковскаго. Съ рис.	10
Его же. О жизни Николая Васильевича Гоголя и его безсмертныхъ сочиненіяхъ.	10
Его же. Некрасовъ, Н. А. Чтеніе для школъ и народа. Съ портр.	10
Дружининъ, Н. П. Сельскій староста	10
Его же. Обновленіе одного города.	10
Его же. Права человѣка и гражданина	10
Его же. Выборы народныхъ представителей.	10
Эварницкій, Д. И. Три неожиданныхъ встрѣчи. Съ рис.	10
Носиловъ, К. Д. Таня Логай. Съ рис.	10
Острогорскій, В. П. Изъ народнаго быта	10
Цебрикова, М. Разсказъ няни.	10
Дружининъ, Н. П. Палаты народныхъ представителей.	12
Нелидовъ, Ѳ. Ѳ. Вольный крестьянскій врачъ С. И. Сычуговъ. Съ портр.	12
Абрамовичъ, Н. Дѣтскіе годы Чехова.	12
Бэнксъ, Е. Изъ жизни одной американской журналистки. Въ переводѣ Э. Пименовой.	15
Брусянинъ, В. Поэты-крестьяне Суриковъ и Дрожжинъ.	15
Шведеръ, Е. Въ деревнѣ.	15
Экъ, Е. Вѣрные друзья.	15
Тихомировъ, Д. Майковъ, А. И. Полонскій, Я. П.	15
Его же. Плещеевъ, А. Н.	15
Его же. Хомяковъ, А. С., К. С. и И. С. Аксаковъ	15
Жоржъ-Зандъ. Крылья мужества	15
Бретъ-Гартъ. Счастье «Ревущаго Стана».— Компаньоны	15

	ЦѢНА. КОП.
Дружининъ, Н. П. Сельскій староста	10
Его же. Обновленіе одного города	10
Его же. Права человѣка и гражданина	10
Его же. Выборы народныхъ представителей	10
Андерсенъ. Три сказки	10
Твэнъ, Маркъ. Юмористическіе разсказы	10
Розовъ-Цвѣтковъ. Три года на островѣ людоѣдовъ	10
Сизова, Е. Св. Филиппъ, митроп. Московскій	10
Эварницкій, Д. И. Три неожиданныхъ встрѣчи. Съ рис.	10
Носиловъ, К. Д. Таня Логай. Съ рис.	10
Острогорскій, В. П. Изъ народнаго быта	10
Цебрикова, М. Разсказъ няни	10
Ея же. Мой отецъ	10
Маминъ-Сибирякъ. Дорогой камень	10
Его же. Упрямый козелъ	10
Его же. Дѣдушкино золото	10
Немировичъ-Данченко, В. И. Воскресшая пѣсня	10
Его же. Святой отецъ	10
Его же. Дѣти конунга	10
Его же. Наша сестра	10
Его же. Затерянные въ океанѣ	10
Его же. Змѣиный дѣдъ	10
Его же. Нищій-правитель	10
Его же. Мірская печальница	10
Его же. Страшные люди	10
Его же. Призракъ закинфскихъ ночей	10
Его же. Матросы св. Константина	10
Его же. Ночные огни	10
Дружининъ, Н. П. Палаты народныхъ представителей	12
Нелидовъ, Ѳ. Ѳ. Вольный крестьянскій врачъ С. И. Сычуговъ. Съ портр.	12
Абрамовичъ, Н. Дѣтскіе годы Чехова	12
Бирюковъ, П. И. Н. Толстой	12
Немировичъ-Данченко, В. И. Черный графъ	12
Брусянинъ, В. Поэты-крестьяне Суриковъ и Дрожжинъ	15
Шведеръ, Е. Въ деревнѣ	15
Экъ, Е. Вѣрные друзья	15
Тихомировъ, Д. Майковъ, А. Н. Полонскій, Я. П.	15
Его же. Плещеевъ, А. Н	15
Его же. Хомяковъ, А. С., К. С. и И. С. Аксаковы	15
Его же. Лермонтовъ, М. Ю. Избранныя стихотворенія. Съ рис.	15

	ЦѢНА. коп.
Тихомировъ, Д. И. Крыловъ, И. А. Избранныя басни. Съ портр.	15
Немировичъ-Данченко, В. И. Богъ проститъ	15
Его же. Герой	15
Никитинъ, И. С. Кулакъ	15
Жоржъ-Зандъ. Крылья мужества	15
Бретъ-Гартъ. Счастье «Ревущаго Стана».—Компаньоны	15
Тихомирова, Е. Н. Картинки изъ японской жизни. Со мног. рис.	15
Бэнксъ, Э. Изъ жизни одной американской журналистки	15
Ермиловъ, Е. Н. И. Новиковъ	15
Свѣшникова, Е. Князь Серебряный	15
Ея же. Басурманъ	15
Сизова, А. Добрый бояринъ стараго времени	15
Ожешко, Элиза. Юльянка. Городская картинка.	15
Опочининъ, Е. Н. Въ деревнѣ и на охотѣ.	15
Его же. Изъ давнихъ лѣтъ	20
Тихомирова, Е. Н. Сильные сердцемъ. Съ рис.	20
Ея же. За свободу братьевъ-славянъ	20
Шведеръ. Дѣти нужды	20
Ермиловъ, В. К. Д. Ушинскій	20
Ожешко, Элиза. Повѣсти и разсказы	20
Любичъ-Кошуровъ. Разсказы	20
Лавровъ, Вук. Дѣти-артисты и другіе разсказы. Съ рис.	20
Гостевъ, В. Житейская мудрость или дядя Симонъ. Ч. I и II по	20
Берлинъ, Я. А. Старшіе братья въ семьѣ народовъ. 4 очерка. За томикъ отъ	8 до 20
Бѣлоусовъ, И. А. Родной уголокъ. Съ рис.	20
Семеновъ, С. Изъ дѣтскихъ лѣтъ крестьянина	20
Толстой Л. Н. Первый и второй сборники разсказовъ, под. ред. Д. И. Тихомирова.	20 и 25